

Содержание:

Введение

Актуальность темы.

Юридическая ответственность — это применение мер государственного принуждения к виновному лицу за совершение противоправного деяния.

Юридическая ответственность возникает вследствие правонарушения или общественно опасного деяния и представляет собой особое правоотношение. Факт правонарушения ставит субъекта (правонарушителя) в определенную юридическую связь с государством, в которой государство в лице компетентных органов выступает как уполномоченная сторона, а правонарушитель — как обязанная. При этом и уполномоченная, и обязанная стороны действуют в рамках закона, и реализация юридической ответственности осуществляется на основе права, конкретных санкций правовых норм, предусматривающих ответственность именно за данное правонарушение.

Правовое государство в своей деятельности стремится к тому, чтобы расширять и стабилизировать круг правомерных общественных отношений посредством повышения качества правового регулирования, вытеснения из жизни общества поведения, не согласующегося с правом и моральными устоями общества.

В таком государстве демократия находится в гармонии и единстве с дисциплиной и ответственностью. В процессе развития демократии, расширения реальных прав и свобод гражданина, использование которых призвано способствовать развертыванию потенциальных возможностей человека, его инициативы, но не должно наносить ущерба интересам общества и государства, правам других граждан, возрастает роль юридической ответственности. На всех стадиях правового регулирования общественных отношений она является необходимым стимулятором правомерного поведения, содействует воспитанию чувства нравственного, политического и правового долга перед обществом и государством, повышению общественно-политической активности каждого гражданина.

В Российской Федерации, строящей правовое государство, юридическая ответственность является также демократическим фактором осуществления

социального контроля, охраны и развития общественных отношений, важной мерой защиты интересов личности, общества и государства.

Цель курсовой работы.

В ходе данной работы я провел анализ юридической ответственности, как области права. Так как юридическая ответственность является неотъемлемой частью права, я считаю, что изучать такую область без углубления в право и правосудие было бы некорректно, потому как не имеет смысла изучать юридическую ответственность без хотя бы общих понятий этих двух категорий. И так же упустить саму сущность судебной власти считаю недопустимой. Поэтому я выделил три основных темы для общего понимания юридической ответственности:

1. Юридическая ответственность, как область права;
2. Право и правосудие как парные правовые категории;
3. Суд в системе органов государственной власти.

Глава I. Юридическая ответственность, как область права.

§1. Понятия юридической ответственности.

Юридическая ответственность неразрывно связана с государством, нормами права, обязанностью и противоправным поведением граждан и их объединений.

Государство, издавая нормы права, определяет юридическую ответственность субъектов независимо от их воли и желания, привлечение к ответственности носит принудительный характер.

Государственное принуждение — специфическое воздействие на поведение людей, основанное на его организованной силе. Но это не просто государственное принуждение, а принуждение к исполнению норм права. Характерная особенность такого принуждения заключается в том, что сама эта деятельность строго регламентирована законом, имеет свои правовые рамки.

Таким образом, порядок привлечения к ответственности разделен на несколько этапов, каждый из которых выполняет отдельный орган государственной власти:

1. Судебная власть — самостоятельная и независимая ветвь государственной власти, действующая для разрешения на основе закона социальных конфликтов между государством и гражданами, самими гражданами, юридическими лицами, а также контроля за конституционностью законов. Согласно Конституции Российской Федерации — России, судебная власть в России:

- осуществляется только судами;
- номинально имеет полную самостоятельность;
- реализуется посредством применения права в ходе конституционного, гражданского, административного, уголовного и арбитражного судопроизводства;
- характеризуется единством судебной системы России, которое обеспечивается путём:

1. закрепления принципов судебной системы в Конституции и Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации».
2. закрепления принципов судебной системы в Конституции и Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации».
3. закрепления принципов судебной системы в Конституции и Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации».
4. закрепления принципов судебной системы в Конституции и Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации».
5. закрепления принципов судебной системы в Конституции и Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации».
6. Исполнительная власть — один из видов самостоятельной и независимой публичной власти в государстве, представляющая собой совокупность полномочий по управлению государственными делами. Основное назначение исполнительной власти в Российской Федерации — организация практического исполнения Конституции России и законов Российской Федерации в процессе управленческой деятельности, направленной на удовлетворение общественных интересов, запросов и нужд населения. Она осуществляется путём реализации государственно-властных полномочий методами и средствами публичного, преимущественно административного права. Состав исполнительной власти набирается на выборных началах с возможностью последующего назначения. Структуру исполнительной власти России составляют государственные служащие и юридическая (правовая) структура — система норм, определяющая степень компетенции органов

§2. Виды и характеристики юридической ответственности.

Юридическая ответственность всегда связана с определенными лишениями, т. е. она сопровождается причинением виновному отрицательных последствий, ущемлением или ограничением его личных, имущественных и других интересов. Лишения являются естественной реакцией на вред, причиненный правонарушителем обществу и государству или отдельной личности. Лишения — это дополнительные неблагоприятные последствия, возникающие только при правонарушении.^[1]

Различаются два вида юридической ответственности, каждый из которых соответствует характеру правонарушения и содержанию санкций за его совершение.

Штрафная, карательная ответственность применяется за преступления либо административные или дисциплинарные проступки. Возникновение и движение этой ответственности протекает только в процессуальной форме и определяется актами государственных органов и должностных лиц, наделенных соответствующими полномочиями. Этот вид ответственности включает следующие стадии:^[2]

- 1) обвинение определенного лица в совершении конкретного преступления или проступка;
- 2) исследование обстоятельств дела о правонарушении;
- 3) принятие решения о применении или неприменении санкции, выбор в ее пределах конкретной меры наказания или взыскания;
- 4) исполнение взыскания или наказания, назначенного правонарушителю;
- 5) своеобразным последствием применения штрафной, карательной санкции является «состояние наказанности» (судимость — в уголовном праве, наличие взыскания — в трудовом и административном), влекущее некоторые правоограничения и более строгую ответственность при рецидиве. К штрафной, карательной ответственности относятся уголовная, административная,

дисциплинарная ответственность.

Правовосстановительная ответственность заключается в восстановлении незаконно нарушенных прав, в принудительном исполнении невыполненной обязанности. Особенность этого вида ответственности в том, что в ряде случаев правонарушитель может сам, без вмешательства государственных органов, выполнить свои обязанности, восстановить нарушенные права, прекратить противоправное состояние. На этом основаны дополнительные санкции, применяемые к правонарушителю в процессе осуществления этих отношений ответственности (пени, штрафы, другие меры понуждения).

Правовосстановительная ответственность возникает с момента правонарушения и завершается восстановлением (в установленных законом пределах) нарушенного правопорядка. Процессуальные нормы регулируют реализацию этого вида ответственности в случае спора (в суде, арбитраже) или отказа правонарушителя восстановить нарушенный правопорядок (исполнительное производство).[\[3\]](#)

Юридическая ответственность тесно связана с санкцией правовой нормы и в этом качестве предстает как принудительно исполняемая обязанность, возникшая в связи с правонарушением и реализуемая в конкретном правоотношении.[\[4\]](#)

Правонарушение является основанием для юридической ответственности, где особое значение играет его состав. Состав правонарушения — это фактическое основание для юридической ответственности, а норма права — правовое основание, без которого юридическая ответственность немыслима.

Правонарушение указывает на момент возникновения юридической ответственности, порождает определенные правоотношения и соответствующую ответственность лица, совершившего его.

Поэтому, рассматривая отношение ответственности в развитии, в нем нужно различать следующие стадии:[\[5\]](#)

- а) возникновение юридической ответственности;
- б) выявление правонарушения;
- в) официальную оценку правонарушения как оснований юридической ответственности в актах компетентных органов;
- г) реализацию юридической ответственности.[\[6\]](#)

Говоря о юридической ответственности как обязанности отвечать за уже содеянное правонарушение, следует различать ее объективные и субъективные предпосылки.

В объективном смысле это означает, что юридическая ответственность возможна в силу правового регулирования общественных отношений различными предписаниями, а в субъективном — свободы воли индивида, ибо без этого нет вины, без вины нет ответственности за противоправное деяние. Нельзя винить лицо, лишенное свободы воли. Нельзя невиновного считать ответственным.

§3. Признаки юридической ответственности.

Анализируя вышеизложенный материал можно выделить следующие признаки юридической ответственности:

1. Юридическая ответственность связана с государственным принуждением. Однако не следует отождествлять юридическую ответственность с государственным принуждением, тем более с процессом его реализации. Юридическая ответственность как правоотношение, в котором правонарушитель выступает в качестве страны, обязанной претерпевать определенные лишения, всегда предусматривает меры государственного принуждения. Однако она сама еще не есть применение таких мер. Ответственность – это не само принуждение, а обязанность его претерпевать согласно санкциям правовых норм. Санкции определяют рамки юридической ответственности. Применение же к нарушителю мер государственного принуждения является реализацией юридической ответственности.[\[7\]](#)
2. Юридическая ответственность характеризуется определенными лишениями, которые виновный должен претерпеть как дополнительные негативные последствия:
 - личного характера (лишение свободы и др.)
 - имущественного характера (штраф и др.)
1. Юридическая ответственность наступает за совершенные правонарушения (исключения составляют крайняя необходимость, необходимая оборона, профессиональный риск).

Если поведение субъекта не подпадает под признаки правонарушения, то данное лицо не подлежит юридической ответственности.

Глава II. Право и правосудие как парные правовые категории.

Многочисленные научные и практические работники традиционно анализируют право и правосудие с позиции юридического позитивизма либо научно дискуссионных и разнообразных концепций интегративного правопонимания, характеризующихся смешением права и неправа[8]. Вместе с тем, с позиции научно обоснованной концепции интегративного правопонимания источниками права являются не только деятельность уполномоченных органов государственной власти, устанавливающих национальное право в форме национальных правовых актов, но также и, например, соглашения государств, соответствующих межгосударственных и государственных органов и организаций, вырабатывающих международное право в форме международных договоров. В связи с этим в современный период теоретически обоснованное и эффективное правосудие не может основываться только на законе, «законодательстве», а точнее – национальных правовых актах. Суд должен применять основополагающие (общие) и специальные принципы права, а также нормы права содержащиеся во всех формах единой, развивающейся и многоуровневой системы национального и международного права, реализующиеся в государстве[9].

Думаю, теоретически весьма плодотворно, а практически необходимо исследовать правовые категории право и «правосудие» с позиции юридического позитивизма, научно обоснованной, а также научно дискуссионных и разнообразных концепций интегративного правопонимания – наиболее дискутируемых типов правопонимания в XXI в. в мире в целом, в том числе и в России. Прежде всего, проанализируем правовые категории «право» и «правосудие» с позиции юридического позитивизма, ограничивающего практически «все» право лишь нормами права, содержащимися только в «законодательстве», «законе» и т.д. В целом в России в соответствии с юридическим позитивизмом разработаны и приняты многочисленные действующие в настоящее время кодексы, другие федеральные законы, написаны монографии, диссертации, учебники и статьи по теории права.

В то же время многие понятия и термины, выработанные на основе юридического позитивизма, широко распространенные и активно используемые в юридической

литературе и национальных правовых актах, представляются теоретически дискуссионными, весьма неопределенными, а практически контрпродуктивными. Так, большинство научных и практических работников разграничивает правовые категории «право» и «закон». Наиболее детально данная точка зрения была разработана В.С. Нерсисянцем. «Исходный смысл проблемы взаимоотношения права и закона, - писал он, - можно сформулировать в самом общем виде так: различаются или не различаются право и закон (законодательство) как разные феномены и понятия? Положительный или отрицательный ответ...по сути дела проводит принципиальную грань между концепциями двух противоположных типов правопонимания. Поскольку концепции первого типа развивают ту или иную версию приоритета права перед законом, а концепции второго типа в качестве права признают лишь закон (законодательство), эти противоположные концепции можно соответственно обозначить условно как «юридические» (от jus – право) и «легистские» (от lex –закон)»[\[10\]](#). Исходя из юридического-либертарного правопонимания, В.С. Нерсисянц в результате пришел к выводу о том, что «право – формальное равенство, ... всеобщая и необходимая форма свободы в общественных отношениях людей, ... всеобщая справедливость»[\[11\]](#).

Вместе с тем, с позиции научно обоснованной концепции интегративного правопонимания, во-первых, право и закон (законодательство) не различаются и не соотносятся как «разные феномены и понятия». Право является родовым понятием, включающим в себя в том числе и закон. Как представляется, право в целом прежде всего выражается в принципах и нормах права, содержащихся в единой развивающейся и многоуровневой системе форм национального и международного права, реализующихся в государстве. Отсюда теоретически дискуссионно как ограничивать «право» «законом», так и «размывать» право неправом, относя к праву не только собственно элементы системы права, но и иные разнородные неправовые элементы, в том числе справедливость.

«Закон», «законодательство», а точнее национальные правовые акты – лишь одна из внешних форм и только российского права. Соотноситься между собой могут лишь исключительно однородные явления, в частности, различные формы международного и внутригосударственного права, например, международные договоры и федеральные законы (ч.4 ст.15 Конституции Российской Федерации). При таком теоретическом подходе, во-вторых, представляется, по меньшей мере, дискуссионным вывод о приоритете права перед законом. Думаю, действительный приоритет имеют лишь принципы и нормы права, содержащиеся в одних формах права, перед принципами и нормами права, установленными в других формах

права, например, специальные принципы и нормы права, выработанные в международных договорах, перед специальными принципами и нормами права, содержащимися в национальных законах (ч.4 ст.15 Конституции Российской Федерации).

В-третьих, с позиции научно обоснованной концепции интегративного понимания права дискуссионным представляется также и само понятие «правовой закон». По существу, «закон» является одним из видов национальных правовых актов, которые в свою очередь являются только одной из форм российского права, то есть соотносятся как частное и общее, а не как «разные феномены и понятия». Другое дело, что далеко не все специальные принципы и нормы права, установленные в «законе» соответствуют основополагающим (общим) и специальным внутригосударственным принципам нормам права, содержащимся, например, в Конституции РФ и (или) международных договорах.

Думаю, аналогичные возражения возможно приводить и в отношении понятия «верховенство права». Как правило, если говорить обобщенно, под этим понятием многочисленные зарубежные и российские авторы, исходя из юридического позитивизма или с позиции научно дискуссионных и разнообразных концепций интегративного правопонимания, понимают «верховенство права» как верховенство «права» над «властью», «государством» или «законом». Такие широко распространенные взгляды научных и практических работников являются теоретически спорными и весьма неопределенными, а практически неэффективными и контрпродуктивными. Во-первых, понятие «власть» в юридической литературе традиционно рассматривается безмерно широко и неопределенно. Во-вторых, полагаю, соотносить между собой возможно лишь однородные правовые явления. Однако правовые категории «право», «власть» и «государство» - разнородные правовые явления. В-третьих, «закон» - только один из видов национальных правовых актов, которые в свою очередь возможно рассматривать в качестве лишь одной из внешних форм права в целом. При таком подходе закон - только часть целого права.

Если право в соответствии с научно обоснованной концепцией интегративного правопонимания является родовым понятием, то оно объективно находит свое внешнее выражение не только в нормах права, выработанных в «законах», «законодательстве», а точнее в национальных правовых актах, но так же в принципах и нормах права, содержащихся в других внешних формах как национального, так и международного права. При таком теоретическом подходе неизбежно возникает вопрос: верховенство права - это верховенство чего над чем?

Права как родового понятия над законом, являющимся его частью, то есть целого над частью? Либо права над неправом? Или «справедливости» над «законом»? В этой связи понятие «верховенство права», широко распространенное в юридической литературе, представляется теоретически дискуссионным, а практически контрпродуктивным.

Термин «закон» также с позиции юридического позитивизма, как в международном, так и в российском праве нередко отождествляется с понятием «право». Например, в ст.2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года записано: «Право каждого лица на жизнь охраняется законом». В части 1 ст.120 Конституции РФ установлено «Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону». В этой связи возникают, как минимум, два вопроса. Первый: почему судьи «подчиняются», если в соответствии с общей теорией права судьи «применяют» принципы и нормы права? Второй: почему «подчиняются» только «Конституции Российской Федерации и федеральному закону», то есть принципам и нормам права, содержащихся лишь в национальных правовых актах? Очевидно, что принципы и нормы права, которые должны применяться судьями, содержатся и в иных формах не только российского, но и международного права.

В то же время нередко в судебных актах возможно встретить следующую фразу: «в иске отказать по причине отсутствия оснований в российском законодательстве». В то же время принципы и нормы права с позиции научно обоснованной концепции интегративного правопонимания содержатся не только в «российском законодательстве», а точнее, в национальных правовых актах, но также и в других формах как внутригосударственного, так и международного права, например, в Конституции РФ и в международных договорах. В конечном результате такие судебные акты как правило отменяются и дела направляются на новое рассмотрение.

Например, Храбровой было отказано в вызове в суд свидетелей, а в последующем и в иске о восстановлении на работе. В то же время 2 октября 2012 года первая секция Европейского суда по правам человека приняла постановление по делу «Храбровой против России», вступившее в силу 11 февраля 2013 года, в соответствии с которым «равенство сторон подразумевает, что каждой из сторон предусматривается адекватная возможность представлять свои интересы по делу, включая доказательства»[\[12\]](#). Другой пример: Пугиева была уволена с государственной гражданской службы за прогул. В иске о восстановлении на работе ей было отказано несмотря на то, что она на момент увольнения была

беременной. Отказывая в иске, суд сослался на отсутствие оснований для восстановления на работе в «законодательстве гражданской службе». Конституционный Суд РФ в Постановлении от 06.12.2012 № 31-П пришел к иному выводу: такое толкование права не соответствует Конституции РФ.

Научно дискуссионные и разнообразные концепции интегративного правопонимания характеризуются объединением в единой системе права как принципов и международного права, содержащихся в формах национального и международного права, так и неправа в самых различных его видах, например, морали, судебных прецедентов, индивидуальных договоров, «правовых позиций» судов и т.п.[\[13\]](#) Так, согласно п. 5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ «новыми обстоятельством» - основания пересмотра судебных актов в том числе являются «определение либо изменение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации...» указание...»на возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в силу данного обстоятельства».

Наконец, научно обоснованная концепция интегративного правопонимания основывается на объединении только права и права, прежде всего принципов и норм права, содержащихся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и международного права, реализующихся в государстве. Например, согласно ч. 1 ст.17 Конституции России «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией».

Подводя итог краткому анализу правовой категории «право» с позиций юридического позитивизма, научно обоснованной, а также научно дискуссионных и разнообразных концепций интегративного правопонимания, возможно сделать следующие выводы.

Право с позиции юридического позитивизма теоретически дискуссионно ограничивается прежде всего только нормами права, установленными в «законах» и «законодательстве», а точнее в национальных правовых актах. В результате неприменения на практике основополагающих и специальных принципов, а так же норм права, содержащихся в иных формах национального и международного права, могут быть нарушены права и правовые интересы физических и юридических лиц.

Научно обоснованная концепция интегративного правопонимания сводится к ограничению «права» прежде всего основополагающими и специальными принципами, а также нормами права, содержащимися в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и международного права, реализующимся в государстве. Как представляется, с позиции научно обоснованной концепции интегративного правопонимания право в большей степени становится определенным и может обеспечивать более эффективную защиту прав и правовых интересов физических и юридических лиц, стабильную, своевременную и непротиворечивую судебную практику. Необходимо подчеркнуть: научно обоснованная концепция интегративного правопонимания синтезирует не все типы правопонимания, а лишь те, которые проверены объективной и длительной правореализационной и правотворческой практикой.[\[14\]](#)

Правосудие, как и любое иное правовое явление в юридической литературе, как правило, прежде всего исследуется с позиций юридического позитивизма либо научно дискуссионных и разнообразных концепций интегративного правопонимания. Например, в энциклопедическом словаре «правосудие» в самом общем виде определяется как формы государственной деятельности по рассмотрению и разрешению дел судами[\[15\]](#). Авторы Большой юридической энциклопедии, также относящие правосудие к виду государственной деятельности, выделяют несколько дополнительных признаков, присущих правосудию[\[16\]](#). Поскольку судебная власть относится к органам государственной власти, постольку В.М. Лебедев справедливо подчеркивает: «...правосудие должно рассматриваться как особый вид государственной деятельности, содержанием которой является рассмотрение и разрешение судами различных социальных конфликтов, связанных с действительным или предполагаемым нарушением норм права»[\[17\]](#).

Анализируя проблемы рассмотрения гражданских дел, Г.А. Жилин предложил следующее понятие «правосудия»: «это деятельность судов общей и арбитражной юрисдикции по рассмотрению и разрешению отнесенных к их ведению гражданских дел, осуществляемая в соответствии с порядком, установленным нормами гражданского и арбитражного процессуального права, и обеспечивающая защиту прав, свобод и законных интересов участников гражданского оборота»[\[18\]](#). К сожалению, в данном определении правосудия, выработанном с позиции юридического позитивизма, делается акцент лишь на деятельности, осуществляемой в соответствии с порядком, установленным нормами гражданского и арбитражного процессуального права и ничего не говорится о

применяемых в процессе правосудия принципах и нормах права, содержащихся в иных формах национального и международного права.

А.Д. Бойков также с позиции юридического позитивизма определял правосудие как осуществляемую судом в специальной процессуальной форме деятельность путем рассмотрения в судебных заседаниях уголовных дел с вынесением общеобязательного, обеспеченного государственным принуждением решения (акта правосудия)[\[19\]](#). По существу аналогичную позицию разделяют и многие другие авторы. Например, по Н.Л. Граната, «содержание правосудия образуют деятельность суда по рассмотрению споров о праве, разбирательств дел ... с использованием особой процессуальной формы»[\[20\]](#). А.Т. Боннер считает, что «правосудием ... является рассмотрение и разрешение судами в установленном законом процессуальном порядке конкретных судебных дел с вынесением по ним законных, обоснованных и справедливых судебных постановлений»[\[21\]](#). М.К. Треушников пишет: «Правосудие – специальный вид государственной деятельности и осуществляется только судьями, наделенными полномочиями в установленном законом порядке, и в строго процессуальной форме, установленной процессуальным законом»[\[22\]](#).

Традиция рассмотрения права и правосудия с позиции научно дискуссионных и разнообразных концепций интегративного правопонимания существует уже многие столетия. Так, известный римский юрист Цельс полагал: «Право есть искусство добра и справедливости»[\[23\]](#). Другой знаменитый римский юрист Ульпиан писал: «Изучающему право надо, прежде всего, узнать, откуда происходит слово jus; оно получило свое название от justitia (правда), справедливость»[\[24\]](#). В этой связи И.М. Байкин также пришел, думаю, к дискуссионному выводу: «если рассматривать этимологию слов «право и «судие», то получается, судить по праву, а значит, по справедливости»[\[25\]](#).

Данную позицию разделяют многие другие научные и практические работники, исходя из научно дискуссионных и разнообразных концепций интегративного правопонимания, включающих в право как собственно право, так и неправо, отождествляющих правосудие со справедливостью. Например, И.М. Байкину представляется «правильным» мнение А.В. Титовой о том, что правосудие в его подлинном смысле имеет место тогда, когда суд правильно выяснил все существенные для данного дела обстоятельства и безошибочно применил закон, приняв на этой основе справедливое решение [\[26\]](#). Ф.А. Фокина высказывает еще более категоричное и потому спорное мнение: «справедливость и правосудие – слова-синонимы. Справедливость в области гражданского судопроизводства

является составной частью социальной справедливости. Она является целью, принципом, движущей силой гражданско-процессуальной деятельности»[27].

Вместе с тем, данный вывод, выработанный с позиции научно дискуссионных и разнообразных концепций интегративного правопонимания, представляется теоретически неубедительным, поскольку при подобном подходе право по существу отождествляется с одним из видов неправа – справедливостью, Вместе с тем, являющейся, возможно, важнейшим регулятором общественных отношений. Однако справедливость – регулятор моральный, но не правовой. Кроме того, с точки зрения буквального толкования понятие «правосудие» все-таки «правосудие» означает «судить» не по справедливости, а по праву. Характерно, что в результате своих размышлений в дальнейшем И.М. Байкин пришел к весьма противоречивому выводу: «Под правосудием понимается осуществляемая на основании закона, принципах права (правовых аксиомах) судами деятельность по установлению справедливости...»[28]. Во-первых, с позиции научно обоснованной концепции интегративного правопонимания право, реализуемое в России, не ограничивается только законом. Во-вторых, принципы права спорно отождествлять с правовыми аксиомами даже с этимологической точки зрения. В-третьих, принципы права и правовые аксиомы имеют различную природу и не могут рассматриваться как правовые явления, совпадающие полностью или частично[29]. Отсюда возможно сделать вывод: понятие «правосудие» с позиции научно дискуссионных и разнообразных концепций интегративного правопонимания как «рассмотрение, разрешение споров по справедливости» является теоретически дискуссионным, а практически контрпродуктивным.

В то же время понятие «правосудие» с позиции юридического позитивизма как «законосудие» также является теоретически спорным, поскольку право с позиции данного типа правопонимания прежде всего ограничивается только «законом», «законодательством». Так, Т.В.Кашанина и А.В.Кашанин пришли к характерному выводу о том, что «правосудие – это осуществляемая в установленном законом особом процессуальном порядке деятельность суда по разбирательству в судебных заседаниях при участии сторон гражданских и уголовных дел и их справедливому разрешению на основе закона, направленная на защиту личности, ее прав и свобод, интересов общества от правонарушителей, укрепление законности и правопорядка»[30]. В этой связи возникает риторический вопрос: должно ли правосудие быть также «основано» на Конституции РФ и международном праве? Думаю, ответ очевидный: безусловно, должно! Но термины «закон и «законодательство» не тождественны терминам «Конституция РФ» и

«международное право».

Термин «правосудие» весьма активно используется и в российских правовых актах, например, в ч.1 ст.118 Конституции РФ, согласно которой «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом», ст. 1 АПК РФ «Осуществление правосудия арбитражными судами» и ст.5 ГПК РФ «Осуществление правосудия только судами». Однако, к сожалению, в данных нормах права содержание и сущность правосудия не раскрыты. Статья 18 Конституции РФ определила только цель правосудия – защите прав и свобод гражданина. В то же время Конституция РФ, во-первых, не отвечает на вопрос: защита прав и свобод каждого человека и гражданина? Во-вторых, как данная, так и другие статьи Конституции РФ не дают необходимого полноценного ответа во всех формах национального и международного права, в соответствии с которыми возможно достижение данной цели.

В связи с изложенными теоретическими и правовыми аргументами, учитывая буквальное толкование понятия «правосудие», «право» и «судие», исходя из научно обоснованной концепции интегративного правопонимания, думаю, правосудие возможно более обоснованно рассмотреть как особый вид государственной деятельности, сущность которой состоит в рассмотрении и разрешении судами дел в соответствии прежде всего с принципами и нормами права, содержащимися в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и международного права, реализующимися в государстве, с целью защиты нарушенных или оспоренных прав, свобод и правовых интересов лиц, как участвующих, так и не участвующих в данном споре.

Как представляется, такое понимание правосудия позволит, во-первых, подчеркнуть, что «правосудие» осуществляется только судом – специализированным органом государственной власти. Во-вторых, установить, что сущность «правосудия» состоит в рассмотрении и разрешении лишь споров, а не дел, в которых ответчик не оспаривает свои обязанности, а лишь уклоняется от их исполнения. В-третьих, «правом» при рассмотрении и разрешении споров является не только «закон», «законодательство», а «право» в целом, которое выражается прежде всего в принципах и нормах права, содержащихся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и международного права, реализующихся в государстве. В-четвертых, цель правосудия состоит в защите не только нарушенных прав и свобод, но также и правовых интересов (а не только «законных интересов», то есть интересов предусмотренных законом). При таком теоретическом подходе подчеркивается: «просто» «интересы» лиц, не

основанные на праве в целом (в том числе и на законе), судебной защите не подлежат. Суд должен защищать лишь интересы, основанные на праве, т.е. правовые интересы. В-пятых, суд должен защищать нарушенные или оспоренные права, свободы и правовые интересы не только лиц, участвующих в деле, но также и лиц, не участвовавших в деле, поскольку нередко лица, чьи права, свободы или правовые интересы нарушены или оспорены, по каким-либо причинам не участвуют в процессе рассмотрения дела, например, в суде первой инстанции. Однако в последующем эти лица намерены защищать свои нарушенные или оспоренные права, свободы и правовые интересы в вышестоящих судебных процессах.

Таким образом, на основе изложенных теоретических, правовых и практических аргументов, думаю, возможно сделать следующие итоговые выводы.

С одной стороны, анализ категорий «право» и «правосудие» с позиций юридического позитивизма, а также научно дискуссионных и разнообразных концепций интегративного правопонимания представляется теоретически спорным, а практически контрпродуктивным. В конечном результате такие научные подходы способствуют становлению нестабильной и противоречивой судебной практики, появлению многочисленных судебных ошибок, длительному рассмотрению споров в судах, нарушению прав и правовых интересов физических и юридических лиц.

С другой стороны, исследование «права» и «правосудия» как правовых категорий в соответствии с научно обоснованной концепцией интегративного правопонимания, думаю, является теоретически более обоснованным, а практически – эффективным.

Рассмотрение правовых категорий «право» и «правосудие» с позиции научно обоснованного интегративного правопонимания будет способствовать сокращению сроков рассмотрения споров в судах, формированию стабильной, ожидаемой и непротиворечивой судебной практики, а главное – более эффективной защите в суде прав, свобод и нарушенных правовых интересов физических и юридических лиц.

Глава III. Суд в системе органов государственной власти.

Разделение властей – одна из сложнейших и важнейших теоретических и практических проблем, имеющая свою многовековую историю, как периодического развития, так и контрразвития, например, отмены законов, устанавливающих право граждан на судебную защиту от неправовых действий (бездействий) должностных лиц и правовых актов правотворческих и исполнительных органов государственной власти. Идея разграничения деятельности государственных органов в самом общем виде высказывалась еще античными мыслителями Платоном, Аристотелем, Полибием, Ликургом и др. Д. Лильберн (1614-1657 гг.) – один из первых мыслителей, настаивавших на необходимости разделения властей на правотворческую, исполнительную и судебную в целях гарантии реализации права и предупреждения возможных злоупотреблений в государстве. Лишь в том случае, он считал, когда эти власти будут осуществляться различными органами и лицами, можно уничтожить произвол и обеспечить прочность самого правления[31].

Основоположниками классического варианта теории разделения властей в специальной литературе называют Джона Локка и Шарля Монтескье. Однако Д. Локк считал необходимым разделение только правотворческой, исполнительной и федеративной (регулирующей отношения с другими государствами) властей. При этом он подчеркивал: все подчиняется правотворческой власти, поскольку «тот выше, кто предписывает законы»[32]. В отличие от Д.Локка Ш. Монтескье выделял среди органов государственной власти и судебную власть. В то же время он считал, что судебная власть должна быть доверена не специальному государственному органу, а выборным лицам из народа, привлекаемым к отправлению правосудия только на определенное время. «Таким образом, - полагал Ш.Монтескье, - судебная власть, столь страшная для людей, не будет связана ни с известной профессией, ни с известным положением; она станет...невидимой и как бы не существующей»[33]. При таком теоретическом подходе Ш. Монтескье сделал вывод: «Судебная власть в известном смысле как бы совсем не власть; из трех властей...власть судебная некоторым образом есть ничто»[34], «судьи суть...не что иное, как уста, произносящие слова закона»[35]. Вместе с тем, действительной заслугой Ш. Монтескье является разработка идей равновесия и системы «сдержек и противовесов» правотворческих и исполнительных органов государственной власти. В отличие от Д. Локка Ш. Монтескье, как показал весь последующий мировой опыт, обосновано и убедительно подчеркивал необходимость динамического равновесия, независимости и обособления правотворческих и исполнительных органов государственной власти. Последователи Ш. Монтескье прежде всего почитают своего кумира как родоначальника теории разделения властей.

Ж.-Ж. Руссо с позиции неотчуждаемого, единого и неделимого народного суверенитета критиковал идею Ш. Монтескье о разделении властей, результат взаимного сдерживания обособленных властей видел лишь в раздроблении государства; он один из первых отмечал необходимость разделения не властей, а государственных функций. Якобинцы в лице М. Робеспьера считали равновесие властей «химерой». В якобинской Конституции Франции 1793 года разделение властей прямо отрицалось. Однако уже Конституция Франции 1795 года разделение властей определила как «первое условие свободного правления», «вечный закон», без которого «общественный порядок не может быть characterized»[\[36\]](#).

При создании американской Конституции 1787 года первоначально за основу был взят вариант разделения властей, предложенный Д. Локком. Спустя уже непродолжительное время «все полномочия управления – законодательные, исполнительные и судебные, как подчеркивал И. Джефферсон, - оказались у законодательного корпуса. Концентрация их в одних и тех же руках является совершенно точным определением деспотического Правительства. Сто семьдесят три деспота, безусловно, являются такими же угнетателями, как и один»[\[37\]](#). В связи с отторжением практикой локковской модели разделения властей авторами американской Конституции была взята за основу усовершенствованная система Ш. Монтескье. Основопологающим принципом стало не только горизонтальное, но и вертикальное разделение власти, создание разнообразных институтов «снятия» диктаторских поползновений различных органов государственной власти.

Жесткие рамки абсолютной монархии в России длительное время не способствовали теоретическому исследованию и практической реализации идеи разделения властей, особенно ее наиболее радикальных положений о равновесии и сдерживании, вынуждали ученых занимать компромиссную позицию. Весьма характерной была точка зрения Н.М. Коркунова: «Русские дореволюционные юристы обратили внимание на невозможность употребления понятия «делимость» власти; правильнее говоря о распределении отдельных функций государственной власти»[\[38\]](#). Однако 29 сентября 1862 года в Основных положениях судеустройства в России впервые была законодательно закреплена идея разделения не функций, а властей: «Власть судебная отделяется от исполнительной, административной и законодательной»[\[39\]](#).

В конце XIX – начале вв. многие прогрессивные русские ученые начали активно поддерживать идею выделения в судах специализации по рассмотрению споров граждан с публичной администрацией либо создания административных судов.

Так, В.Ф. Дерюжинский подчеркивал: «В качестве гарантии законности в управлении административные суды, с их особенным устройством, определенной компетенцией и известными формами производства в них, являются результатом новейшего периода в развитии европейских государств»[\[40\]](#). Незадолго до Февральской революции 1917 г. в составе Правительственного Сената первый судебный департамент получил полномочия по рассмотрению административных споров.

Постановлением от 30 мая 1917 года Временное правительство утвердило Положение о судах по административным делам, вводимшееся в действие с 1 июня 1917 года Ю.Н. Стариков справедливо отмечает: «При эволюционном развитии российской истории в начале XX в. стала бы очевидной необходимость создания в России административных судов как полнокровных судебных органов, разрешающих споры в сфере публичного управления»[\[41\]](#).

Классики марксизма-ленинизма вслед за Ж.-Ж. Руссо и М. Росбепьером не поддерживали идею разделения властей. «Коммуна, - писал К.Маркс, - должна быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы»[\[42\]](#). Развивая данную мысль, Ф. Энгельс уточнял: «Разделение властей, которое.. рассматривают как священный и неприкосновенный принцип, на самом деле есть не что иное, как прозаическое деловое разделение труда...»[\[43\]](#). Аналогичную позицию занимал и В.И. Ленин, полагавший, что советская власть дает возможность «соединить в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и исполнение законов»[\[44\]](#). При таком подходе В.И. Ленин утверждал: «Новый суд нужен прежде всего для борьбы против эксплуататоров... роль суда: и устрашение и воспитание»[\[45\]](#).

Вместе с тем, идея создания судов по административным делам обсуждалась и в начале советского периода. Как справедливо отметил В.И. Радченко, «... менее известной остается третья попытка учредить органы административной юстиции уже в советское время. В 1918 году Наркомат Госконтроля подготовил проект ее организации в РСФСР. В начале 20-х годов институтов советского права по заданию наркомата юстиции также был разработан соответствующий проект закона, предусматривающий образование Верховного административного суда и соответствующих судов в губерниях и областях. Однако в дальнейшем возобладала прямо противоположная точка зрения. Она заключалась в том, что аппарат пролетарского государства, в отличие от буржуазного, работает исключительно в интересах трудящихся, и следовательно, вмешательство судов в его деятельность будет только мешать ему в работе на благо человека труда»[\[46\]](#). В специальной

литературе вновь стала господствовать идея разделения труда и функций государства, отрицание возможности и необходимости разделения властей[47].

Не оспаривая необходимость и возможность самостоятельного исследования компетенции и функций государственных органов, как представляется, разделение властей и разделение труда как в теоретическом, так и в практическом плане являются самостоятельными и различными научными и практическими проблемами. С позиции языкового толкования «функция» - это «обязанность, круг деятельности, назначение, роль»[48]; «компетенция» - «круг чьих-нибудь полномочий, прав»[49]. В то же время «власть» это «право и возможность распоряжаться кем-чем-нибудь, подчинять своей воле»[50].

В современный период разделение властей принято рассматривать в качестве обязательного признака правового государства. Так, германский государствовед К. Хессе теорию разделения властей называет основным организационным началом конституирования государственной власти, ее рационализации, стабилизации, ограничения и контроля[51]. В дальнейшем только фашизм и отдельные авторитарные режимы в XX в. на Западе игнорировали принцип разделения властей, являющийся одним из средств обеспечения демократии[52].

Весьма характерна переоценка доктрины разделения властей в Великобритании. Так, по мнению Н.У. Барбера, «большинство исследователей, писавших о британской Конституции до 1990 г., высказывали изрядный скептицизм относительно применимости данной доктрины к конституции. Возражения выдвигались на двух уровнях. Прежде всего утверждалось, что принцип РВ (разделения властей – авт.) не должен применяться к конституциям парламентского типа, поскольку в основе парламентских систем лежал принцип слияния, а не разделения властей... первая группа возражений заключалась в простом утверждении, что разделение властей неприменимо к британской конституции. Вторая группа возражений (более фундаментального порядка) подвергла сомнению безупречность принципа разделения властей как такового. Утверждалось, что разделение властей основывается на ошибке: не существует естественного разделения властей между тремя ветвями государственной власти. Согласно радикальным возражениям фактически не существует разделения между законодательной, судебной и исполнительной властью. Согласно более умеренным взглядам – это разделение весьма размыто[53]. Например, Джоффри Маршалл теоретически весьма неопределенно, но чрезмерно категорично утверждал: разделение властей представляет собой «пеструю, беспорядочную смесь (jumbled) аргументов в пользу политики, которую следует поддержать или отвергнуть по

другим причинам»[\[54\]](#).

В то же время, как признает Н.У. Барбер, «... в более поздних работах принцип разделения властей рассматривается как общий принцип конституционализма, применимый ко всем конституциям во все времена»[\[55\]](#). Например, в работе Э. Бэрндта «Разделение властей и конституционное правление», опубликованной в 1995 г., утверждается, что задача принципа разделения властей – это защита свободы индивида, поскольку благодаря РВ ставятся препятствия на пути тирании и деспотии со стороны»[\[56\]](#).

Ярким практическим подтверждением переоценки в конце XX – начале XXI в. доктрины разделения властей в Великобритании является конституционная реформа, связанная с отменой судебной функции Палаты лордов и созданием Верховного суда. В соответствии с Актом о конституционной реформе 2005 г. был создан новый Верховный суд, отделенный от законодательных и исполнительных органов государственной власти и состоящий из судей, не являющихся членами Палаты лордов. По справедливому заключению Н.У. Барбера, «создание Верховного суда и изменение роли лорда-концлера рассматривается в качестве наиболее важных шагов на пути к разделению властей...»[\[57\]](#).

В современной специальной литературе выделяют две основные модели разделения властей: «гибкую» и «жесткую». Первая из них основывается на идеях Д. Локка о тесном взаимодействии властей при верховенстве одной из них и характерна для государств с парламентской формой правления. Вторая модель основывается на концепции Ш. Монтескье и его последователей о равновесии, независимости и взаимном сдерживании властей.

Традиционно зарубежные и российские специалисты, как правило, рассматривают только собственные отраслевые теоретические и практические проблемы, а также специальные вопросы судоустройства, судопроизводства, обеспечения деятельности судов и т.п. Вместе с тем, исходя из концепции разделения властей, представляется необходимым прежде всего исследовать теоретические и практические проблемы взаимоограничения, сдерживания и разграничения компетенции суда и других органов государственной власти. С позиции теории систем целенаправленный анализ деятельности каждого элемента системы в отдельности является необходимым и важным, но недостаточным. Для выяснения существенных характеристик какого-либо органа государственной власти необходимо установить его место и роль в системе правотворческих, исполнительных и судебных органов государственной власти. Философы

убедительно отмечают стремительный рост удельного веса синтеза, проявляющегося в переходе от дисциплинарного к проблемному способу постановки и решения задач[58].

Применение категорий системного анализа вызывается необходимостью исследования правовых явлений, в том числе органов государственной власти, в целом, в рамках системы федеральных органов государственной власти России. При таком общенаучном подходе к исследованию правовых явлений уже нельзя ограничиваться только собственно разделением функций органов государственной власти. С объективной необходимостью как в теоретическом, так и в практическом плане прежде всего следует акцентировать внимание на анализе системы органов государственной власти в целом, изучении проблем взаимопонимания, взаимосвязи, сдерживания и взаимоограничения правотворческих, исполнительных и судебных органов государственной власти.

В связи с этим в процессе изучения места и роли суда в системе органов государственной власти возможно исследовать правовые проблемы, остающиеся при традиционных методах анализа вне поля зрения научных работников, в том числе, проблемы активной роли суда в процессе индивидуального судебного регулирования общественных отношений, например, толкования и преодоления коллизий между принципами и нормами права, применения относительно определенных и диспозитивных норм права, преодоления пробелов в международном и внутригосударственном в праве. Следует подчеркнуть, что в системе органов государственной власти составляющие ее элементы не способны к самостоятельному, «изолированному» существованию; с объективной необходимостью они обеспечивают взаимное сдерживание, функционирование и развитие. Важным показателем целостности системы органов государственной власти является мера свободы элементов, ее составляющих, поскольку они обладают и относительной самостоятельностью. Специфика системы органов государственной власти не ограничивается собственно ее элементами; прежде всего она характеризуется прямыми и обратными связями и отношениями между ними.

С позиции теории систем органы государственной власти должны быть независимы друг от друга, «равновесны», обеспечивать взаимное сдерживание. Данные цели достигаются посредством закрепления в конституциях государств и реализации на практике «сдержек и противовесов». Ш. Монтескье справедливо отмечал: «Политическая свобода может быть обнаружена только там, где нет злоупотребления властью. Однако многолетний опыт показывает..., что каждый

человек, наделенный властью, склонен злоупотреблять ею и удерживать власть в своих руках до последней возможности... Для того чтобы предупредить подобное злоупотребление властью, необходимо... чтобы одна власть сдерживала другую... Наступает конец всему, если одно и то же лицо или орган... станет осуществлять все три власти»[\[59\]](#).

Классическое понимание процесса применения права с позиции юридического позитивизма заключается в поведении общественных отношений под абстрактные нормы права по методу логического умозаключения – силлогизма, в котором роль большей посылки играет «право», а точнее, прежде всего «законодательство» (правовые акты), а меньшей – конкретный казус. Как представляется, такое понимание сущности правоприменения не отражает всей действительной глубины и сложности реальной правоприменительной деятельности судей, не соответствует основополагающим положениям теории систем.

Рассматривая судебное правоприменение с позиции системного анализа и научно обоснованной концепции интегративного правопонимания, необходимо исследовать объективно происходящие процессы не только взаимного сдерживания, но и взаимодействия, в определенных пределах коррекции и саморегуляции, а также влияния на процессы правоприменения и правообразования. Правоприменительные процессы коррекции и относительной «саморегуляции», индивидуального судебного регулирования общественных отношений, происходящие, например, в результате толкования принципов и норм права; преодоления в процессе рассмотрения уголовных и гражданских дел коллизий (противоречий) между принципами и нормами права; применения относительно определенных норм права (прежде всего содержащих оценочные понятия, например, «значительный ущерб», «уважительные причины» и т.д.) и диспозитивных норм права; преодоления в процессе судебного правоприменения пробелов в праве.

Системный подход позволяет научно обосновать глубинные процессы не только взаимного сдерживания, но также и коррекции, относительной «саморегуляции», реально происходящие в ходе индивидуального судебного регулирования общественных отношений. Если проследить логическую последовательность действий судей, то, во-первых, судья прежде всего должен уяснить для себя принципы и нормы права и разъяснить, толковать их для других. Во-вторых, уяснив и разъяснив действительный смысл принципов и норм права, судья может обнаружить и иные принципы и нормы права, коллидирующие с истолкованными им принципами и нормами права. В этих случаях он должен преодолевать коллизии

между ними. В-третьих, так как правотворческие органы нередко принимают альтернативные и факультативные нормы права, судья с учетом фактических обстоятельств дела должен выбирать принципы или нормы права, подлежащие применению в данном деле. В-четвертых, многие нормы права содержат оценочные понятия, которые должны быть истолкованы судьями применительно к фактическим обстоятельствам дела, например, к материальному положению сторон, состоянию здоровья участников судебного процесса и т.д. В-пятых, достаточно часто, например, в национальных правовых актах имеются пробелы, которые судья должен преодолевать при рассмотрении конкретных споров, в частности, посредством аналогии закона или межотраслевой аналогии закона.

Отдельные специалисты рассматривают толкование принципов и норм права, преодоление коллизий между принципами и нормами права, применение альтернативных, факультативных, относительно определенных и диспозитивных норм права, преодоление судьями пробелов, например, в правовых актах «нежелательными» либо «нетипичными» явлениями. В действительности индивидуальное судебное регулирование общественных отношений явление «желательное» и типичное, объективно необходимое и неизбежное, поскольку даже теоретически невозможно абсолютно урегулировать нормами права все многообразие постоянно развивающихся и изменяющихся общественных отношений. «Диалектически противоречивый исторический процесс взаимодействия норм права и фактических общественных отношений весьма неопределенно и дискуссионно предполагал А.П. Дудин, - включает в себя как процесс правового регулирования, так и встречный процесс правообразования»[\[60\]](#).

С позиции теории разделения властей диалектически противоречивый исторический процесс «взаимодействия» принципов и норм права с фактическими общественными отношениями включает в себя не только процессы собственно правового регулирования, но также и объективно неизбежные процессы, как правообразования, например, повышения степени определенности права посредством его конкретизации правотворческими органами, так и индивидуальной регулированной общественных отношений с учетом фактических обстоятельств и в пределах принципов и норм права, содержащихся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и международного права.

Например, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 8 июня 2015 г. № 14-П, по делу о проверке конституционности части первой статьи 256 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с

жалобой гражданки Т.К. Романовой[61] установил, что вступившим в законную силу решением Ленинского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики от 5 июля 2012 г. было удовлетворено требование Т.И. Романовой о признании незаконным постановления Государственного совета Чувашской Республики от 22 марта 2011 г. № 793 « О досрочном прекращении полномочий депутата Государственного Совета Чувашской Республики Романовой Т.И.».

Впоследствии Т.И. Романова обратилась в суд с требованием о компенсации морального вреда в размере 3 млн руб., причиненного незаконным решением Государственного совета Чувашской Республики о досрочном лишении ее полномочий депутата. Решением Ленинского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики от 20 сентября 2013 г. исковые требования были удовлетворены частично, и с Государственного Совета в ее пользу взыскано в качестве компенсации морального вреда 100 тыс. рублей. Однако апелляционным определением судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда Чувашской Республики от 18 декабря 2013 г. данное решение было отменено и по делу вынесено новое решение об отказе в удовлетворении указанных исковых требований со ссылкой на то, что требования о компенсации морального вреда, причиненного незаконными решениями, действиями органа государственной власти, органа местного самоуправления, должностного лица, государственного или муниципального служащего, распространяется трехмесячный срок для обращения гражданина в суд, установленный ч. 1 ст. 256 ГПК РФ, которая Т.И. Романовой была нарушена. Судебный акт апелляционной инстанции не был отменен последующими судебными инстанциями.

В то же время Конституционный Суд Российской Федерации в анализируемом постановлении подчеркнул: сам факт удовлетворения судом требования о признании решений, действия органов публичной власти и их должностных лиц, повлекших причинение морального вреда, незаконными означает, что «... у суда отсутствовали основания для отказа в удовлетворении соответствующего требования по причине нарушения срока обращения в суд, предусмотренного ч. 1 ст. 256 ГПК РФ. Сам же по себе иск о компенсации морального вреда относится к требованиям о защите личных данных неимущественных прав и других нематериальных благ, на которые в силу ст. 208 ГК РФ исковая давность не распространяется, кроме случаев, предусмотренных законом. При этом закон не предусматривает, что при обращении заинтересованного лица с иском о компенсации морального вреда, причиненного неправомерными решениями, действиями органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных

или муниципальных служащих, после вступления в законную силу решения суда, признавшего эти решения или действия незаконными, в исключение из общего правила, закрепленного ст. 208 ГК РФ для требований о компенсации морального вреда, устанавливаются специальные сроки для обращения в суд»[\[62\]](#).

Следовательно, Конституционный Суд в результате индивидуального судебного регулирования сложившихся конкретных правоотношений в виде толкования норм права, содержащихся в ГК РФ и ГПК РФ, установил: в кодексах отсутствует коллизия между общей и специальной нормами, поскольку специальной нормы права нет. В этой связи подлежала применению общая норма права – ст. 208 ГПК РФ, не предусматривающая сроков исковой давности к требованиям о защите личных неимущественных прав и других материальных благ. При таком правовом и индивидуальном судебном регулировании общественных отношений требование Т.И. Романовой о компенсации морального вреда подлежало удовлетворению в размере, установленном судом.

Таким образом, система органов государственной власти в результате встречных процессов правового и индивидуального регулирования сложившихся фактических правоотношений на практике должна поддерживаться в состоянии подвижного равновесия, гомеостазиса, относительного саморегулирования, безусловно, в пределах принципов и норм права, содержащихся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и международного права, реализующихся в государстве.

При таком общенаучном подходе теоретические и практические вопросы права и государства необходимо исследовать прежде всего с позиции теории систем, а суд – как элемент системы органов государственной власти. Отсюда эти проблемы, в том числе и административного правосудия, можно рассматривать не сами по себе, а с позиции взаимоограничения и взаимовлияния федеральных органов государственной власти. В результате возможен общенаучный анализ ограничения излишних степеней свободы федеральных органов государственной власти, снижающих эффективность правотворческой и правоприменительной деятельности, в конечном итоге приводящих к нарушению прав и правовых интересов граждан юридических лиц. Отсюда право можно рассматривать как своеобразную «свободу в несвободе» не только физических и юридических лиц, но также и федеральных органов государственной власти. При таком подходе система федеральных органов государственной власти будет находиться в состоянии эффективного подвижного равновесия, гомеостазиса, а федеральные органы государственной власти – взаимодерживания и взаимоограничения.

Таким образом, представляется теоретически недостаточным, а практически неэффективным сводить проблемы, например, административного права только к собственным отраслевым вопросам материально административного права и административного судопроизводства: их необходимо исследовать глубже, не только с позиции общей теории права, но и с учетом общенаучных знаний, в частности, теории систем.

В юридической литературе с позиции юридического позитивизма активно анализируются определения понятий «нормоконтроль» и «судебный контроль»[\[63\]](#). Отдельные авторы весьма справедливо их критикуют[\[64\]](#). На самом деле, во-первых, в принятых национальных правовых актах имеются не только «нормы права», но и «принципы права»; во-вторых, в действительности суд «контролирует» не нормы права – результат работы прежде всего правотворческих органов, а органы правотворческой и исполнительной государственной власти, принимающие правовые акты. Отсюда то, что в специальной литературе обычно определяется как «нормоконтроль» или «судебный контроль», на мой взгляд, с позиции теории систем было бы более обоснованно рассматривать как объективно необходимый и непрерывный процесс коррекции, взаимного влияния и сдерживания правотворческих, судебных и исполнительных органов государственной власти, эффективной защиты прав и правовых интересов физических и юридических лиц[\[65\]](#).

Природа и суть споров, связанных с «нормоконтролем», в Конституционном Суде РФ, конституционных судах субъектов РФ, судах общей юрисдикции и арбитражных судах, являются тождественными: сдерживание соответствующих правотворческих и исполнительных органов власти посредством влияния на результаты их деятельности – выработанные принципы и нормы внутригосударственного права. Отсюда дискуссионными следует признать предложения некоторых специалистов об отнесении к категории административных дел споров о карьере государственных гражданских служащих. Суд рассматривает только споры граждан и юридических лиц о защите прав и защищаемых правовых интересов. «Просто» интерес (не гарантированный федеральным законом) суд не может и не должен защищать (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ). Весьма показательным, что судебная практика по ст. 64 ТК РФ «Гарантии при заключении трудового договора», как правило, сводится к позиции, изложенной выше. Разграничение компетенции федеральных судов по «нормоконтролю» - прерогатива правотворческих органов. Компетенция Конституционного Суда РФ установлена ст. 125 Конституции РФ и Федеральным

конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», судов общей юрисдикции – ГК РФ, ГПК РФ, Законом РФ от 27 апреля 1993 г. № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан», а также Федеральным конституционным законом от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации».

Единая природа и сущность административных споров, рассматриваемых в различных судах, как представляется, позволяет отдельным авторам утверждать об общих принципах организации судебного «нормоконтроля» всеми судами Российской Федерации. Так, по мнению Г.А. Гаджиева: «К числу первых из них может быть отнесено требование Конституции о возможности установления полномочий судов в области судебного контроля за нормативными актами только в форме федерального конституционного закона..., принцип коллегиальности при рассмотрении дел», не совпадения системы административных судов с системой органов публичной власти[66].

Конституционный Суд РФ является специализированным судом, компетенция которого по «нормоконтролю» исчерпывающе установлена Конституцией РФ, соответствующим Федеральным конституционным законом. Суды общей юрисдикции и арбитражные суды в силу ст. 46 Конституции РФ вправе рассматривать все остальные споры, связанные с «нормоконтролем», не отнесенные федеральными законами к компетенции Конституционного Суда РФ. Такой вывод возможно подтвердить следующими правовыми аргументами: 1) ч.2 ст. 46 Конституции РФ гарантирует судебную защиту без исключения всех решений и действий органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц; 2) названные выше законы устанавливают строго ограниченную компетенцию Конституционного Суда РФ; 3) согласно ст. 19-21 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» полномочия Верховного суда РФ, верховных судов республик, краевых (областных) судов, судов городов федерального значения, судов автономной области, автономных округов, а также районных судов должны быть установлены федеральным конституционным законом. 5 февраля 2014 г. был принят Федеральный конституционный закон «О Верховном Суде Российской Федерации», в соответствии с ч. 4 ст. 2 которого «Верховный Суд Российской Федерации рассматривает в качестве суда первой инстанции административные дела... об оспаривании нормативных правовых актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, Генеральной прокуратуры

Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, Центрального банка Российской Федерации, Центральной избирательной комиссии Российской Федерации...».

При таком правовом регулировании в случае установления пробелов в российских федеральных законах последние могут быть преодолены судами общей юрисдикции и арбитражными судами в конкретных спорах (ad hoc) посредством прямого применения ч. 1 ст. 15 Конституции РФ. Данный вывод позволяет сделать и ст. 126 Конституции РФ, согласно которой «Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по... административным... делам, подсудным судам». Следовательно, все спорные национальные правовые акты и действия должностных лиц могут быть обжалованы, соответственно, в суд общей юрисдикции или арбитражный суд. Аналогичная концепция нашла свое закрепление, например, в Венесуэле[67].

Традиционно в специальной литературе весьма условно выделяют два вида «нормоконтроля»: «конкретный» и «абстрактный»[68]. В общей теории права «конкретный нормоконтроль» следует рассматривать как один из способов защиты прав и правовых интересов физических и юридических лиц – неприменение судом в конкретном споре принципов и норм права, не соответствующих принципам и нормам права, имеющим более высокую юридическую силу.

Как представляется, в результате приведенного в данной главе анализа суда с позиции общей теории систем и разделения властей в рамках системы органов государственной власти можно сделать следующие выводы.

1. Исследование суда с общенаучных позиций, в том числе общей теории систем, позволяет не ограничиваться «внутренними» проблемами собственно суда, в результате такого общенаучного подхода суд получает свое «оправдание» как «момент целого» (Г.Гегель) – системы органов государственной власти.
2. Рассмотрение суда в системе органов государственной власти позволяет находить общенаучные ответы на многочисленные современные практические вопросы.

Заключение

Юридическая ответственность – это правоотношение, которое государство (в лице его органов) имеет право принять в виде определенного наказания (взыскания) к лицу, совершившему правонарушение, а правонарушитель обязан претерпеть лишения или ограничения, предусмотренные санкцией нарушенной им правовой нормы.

При применении к лицу мер государственного принуждения карательного характера (в уголовном и административном праве), действует презумпция невиновности, т.е. предположение, в соответствии с которым, даже при наличии фактов, свидетельствующих о доказанности объективной стороны, лицо считается невиновным до тех пор, пока, в предусмотренном порядке, не будет доказана и установлена судом его вина. Эта важная конституционная гарантия охраны прав личности, означающая, что лицо, привлекаемое к юридической ответственности, вовсе не обязано доказывать свою невиновность: бремя доказывания вины на компетентных органах – органах следствия, прокуратуре, осуществляющих обвинение. И, до тех пор, пока не сделано и вина не признана судом в обвинительном приговоре, лицо считается невиновным.

Я думаю, что наличие юридической ответственности необходимо, т.к., при ее наличии, уровень правонарушений растет гораздо медленнее, чем, при ее отсутствии.

По моему мнению, не будь юридической ответственности, сообществам людей, населяющим нашу прекрасную планету, было бы гораздо труднее установить какие-либо рамки цивилизованных отношений между собой, что могло бы и не привести к сегодняшнему пониманию идеала культурных человеческих отношений, и, может быть, общество не достигло бы того уровня развития вообще, и не смогло существовать в том качестве человеческого, которое определяется отношением к законности, способности каждого не переступить грань разумного. Наличие юридической ответственности оказывает воздействие на большую часть общества. Большинство осознает, что возмездие за совершенное правонарушение неотвратимо. Именно на таких людях держится правопорядок в обществе. Через правопослушное население возможно осуществление положительного воздействия на правонарушителей.

Юридическая ответственность имеет цель защищать и сохранять общественный порядок. Эта цель достигается применением к правонарушителю санкций предусмотренных нормами права.

Библиография

- Теория государства и права: Курс лекций. /Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько.— Саратов,1999
- Общая теория государства и права: Академ. курс. В 2-х тт. Т2: Теория права. /Отв. ред. М.Н. Марченко.— М.,1998
- Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005; Нерсесянц В.С. Философия права: учебник. М., 2000.
- Ершов В.В. Международное и внутригосударственное право с позиции легизма и интегративного понимания права//Российское правосудие 2011.
- Нерсесянц В.С. Право и закон: Из истории правовых учений. М., 1983.
- Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. М.,2000.
- Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012 №6.
- Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории//Российское правосудие. 2013. №4.
- Ершов В.В. Международное и внутригосударственное право с позиции легизма и интегративного понимания// Российское правосудие. 2011.№8.С.5-26; Он же. Российское право с позиции легизма и интегративного понимания права// Российское правосудие. 2011.№10.
- Новый энциклопедический словарь. М., 2004. С. 959; Юридический энциклопедический словарь/Отв.ред. М.Н. Марченко. М., 2006.
- Большая юридическая энциклопедия (авторы Аванесян В.В., Андреева С.В., Белякова Е.В. и др.) М.,2005.
- Лебедев В.М. Правосудие и его демократические принципы/Судебная власть и правосудие в Российской Федерации: Курс лекций/Под ред. В.В. Ершова. М.2011.
- Жилин Г.А. О понятии правосудия по гражданским делам//Российское правосудие. 2008.№4.
- Марченко М.Н., Мачин И.Ф. История политических правовых учений: Учебник. М., 2005. С.51.
- Фокина М.А. Система целей доказывания в гражданском и арбитражном процессе. Общие положения//Арбитражные и гражданский процесс. 2006.№4.
- Байкин И.М. Указ соч.
- Ершов В.В. Юридическая природа общих и гражданско-правовых принципов: Дисс...канд.юридических наук.М., 2009.

- Кашанина Т.В., Кацанин А.В. Основы российского права: Учебник. М.,2000.
- Лильберн Джон. Пафлеты. М., 1937.
- Локк Джон. О государстве. СПб., 1902.
- Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М.,1955.
- Монтескье Ш.Л. О духе законов. СПб., 1900.
- Монтескье Ш.Л. О разуме законов. СПб., 1801.
- Конституция и законодательные акты буржуазных государств в XVII-XIX вв., М., 1957.
- The Federalist Papers. N.Y., 1976.
- Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т.2. СПб.,1913.
- Судебные уставы с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1904. Ч. III. Основные положения судоустройства.
- Дерюжинский В.Ф. Административные суды в государствах Западной Европы. Воронеж, 2004. Ч.1
- Стариков Ю.Н. Административная юстиция. Конец XIX – начало XX в. Хрестоматия. Воронеж, 2004.
- Маркс. К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 17.
- Маркс. К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 5.
- Ленин В.И. ПСС. Т.34.
- Ленин В.И. ПСС. Т.36. С. 163, 549.
- Радченко В.И. Административные суды призваны защищать человека от произвола недобросовестных чиновников // Российская юстиция. М., 2004. №3.
- Тихомиров Ю.А. Разделение властей или труда // Советское государство и право. 1967. №1; Барнашов А.М. Теория разделения властей: становление, развитие, применение. Томск, 1988.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1973.
- Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М., 1981.
- Мишин А.А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США. М., 1984.
- Барбер Н.У. Разделение властей и Конституция Великобритании // Право. 2012. №1.
- Marshall G.Constitutional Theory. Oxford University Press, 1971.
- Барбер Н.У. Указ. Соч.
- Montesquieu Ch.L. Esprit des lois. Geneva, 1748.
- Дудин А.П. Диалектика правоотношения. Саратов, 1983.
- Российская газета. 2015. 18 июня. №130.

- Никитин С.В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе. М.: РАП. 2010.
- Едидин Б.А. Суд в системе органов государственной власти России: Автореф.дисс. ...канд.юрид.наук. М., 2005.
- Ершов В.В. Судебная власть в правовом государстве: Дисс... д-ра юрид.наук. М., 1992.
- Гаджиев Г.А. Конституционно-правовые ориентиры при создании системы административных судов в Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. №3.
- Штатина М.А. Реформирование административной юстиции в условиях проведения административной реформы: опыт Венесуэлы // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 3.

1. Теория государства и права: Курс лекций. /Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько.—Саратов,1999.С.446. [↑](#)
2. Общая теория государства и права: Академ. курс. В 2-х тт. Т2: Теория права. /Отв. ред. М.Н. Марченко.—М.,1998.С.464. [↑](#)
3. Общая теория государства и права: Академ. курс. В 2-х тт. Т2: Теория права. /Отв. ред. М.Н. Марченко.—М.,2000.С.464. [↑](#)
4. Теория государства и права: Курс лекций. /Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько.—Саратов,2000.С.446. [↑](#)
5. Там же.С.447. [↑](#)
6. Теория государства и права: Курс лекций. /Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько.—Саратов,2000.С.447. [↑](#)
7. Теория государства и права. Под ред. А.М. Васильева, М., 2000. [↑](#)
8. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005; Нерсесянц В.С. Философия права: учебник. М., 2000. С. 35. [↑](#)

9. Ершов В.В. Международное и внутригосударственное право с позиции легизма и интегративного понимания права//Российское правосудие 2011, №8 С.5-26 [↑](#)
10. Нерсесянц В.С. Право и закон: Из истории правовых учений. М., 1983. С.360 [↑](#)
11. Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. М.,2000. С.35 [↑](#)
12. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012 №6.С.46 [↑](#)
13. См.: Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории//Российское правосудие. 2013. №4. С. 4-23. [↑](#)
14. Ершов В.В. Международное и внутригосударственное право с позиции легизма и интегративного понимания// Российское правосудие. 2011.№8.С.5-26; Он же. Российское право с позиции легизма и интегративного понимания права// Российское правосудие. 2011.№10. С.5-22. [↑](#)
15. См., например: Новый энциклопедический словарь. М., 2004. С. 959; Юридический энциклопедический словарь/Отв.ред. М.Н. Марченко. М., 2006.С.540. [↑](#)
16. Большая юридическая энциклопедия (авторы Аванесян В.В., Андреева С.В., Белякова Е.В. и др.) М.,2005.С.464. [↑](#)
17. Лебедев В.М. Правосудие и его демократические принципы/Судебная власть и правосудие в Российской Федерации: Курс лекций/Под ред. В.В. Ершова. М.2011.С.446. [↑](#)
18. Жилин Г.А. О понятии правосудия по гражданским делам//Российское правосудие. 2008.№4. С.20. [↑](#)
19. Курс советского уголовного процесса. Общая часть/Под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца, М.,1989.С.26. [↑](#)

20. Конституционное право: Учебник/Под ред. В.В. Лазарева. М.,1998.С.440. [↑](#)
21. Гражданское процессуальное право: Учебник /Под ред. М.С. Шакарян. М., 2004. С.38. [↑](#)
22. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2006 С.66. [↑](#)
23. Марченко М.Н., Мачин И.Ф. История политических правовых учений: Учебник. М., 2005. С.51. [↑](#)
24. Марченко М.Н., Мачин И.Ф. История политических правовых учений: Учебник. М., 2005. С.51. [↑](#)
25. Байкин И.М. «Судебная власть», «правосудие» и «судопроизводство» как парные категории//Мировой судья. 2008.№9.С.11. [↑](#)
26. Марченко М.Н., Мачин И.Ф. История политических правовых учений: Учебник. М., 2005. С.51. [↑](#)
27. Фокина М.А. Система целей доказывания в гражданском и арбитражном процессе. Общие положения//Арбитражные и гражданский процесс. 2006.№4.С.26. [↑](#)
28. Байкин И.М. Указ соч. С.13. [↑](#)
29. См., например: Ершов В.В. Юридическая природа общих и гражданско-правовых принципов: Дисс...канд.юридических наук.М., 2009.С.52-82. [↑](#)
30. Кашанина Т.В., Кащанин А.В. Основы российского права: Учебник. М.,2000.С.172 [↑](#)
31. Лильберн Джон. Пафлеты. М., 1937.С.110. [↑](#)

32. Локк Джон. О государстве. СПб., 1902.С.46. [↑](#)
33. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М.,1955.С.292. [↑](#)
34. Монтескье Ш.Л. О духе законов. СПб., 1900.С.160. [↑](#)
35. Монтескье Ш.Л. О разуме законов. СПб., 1801.С.266. [↑](#)
36. Конституция и законодательные акты буржуазных государств в XVII-XIX вв., М., 1957. С.382. [↑](#)
37. The Federalist Papers. N.Y., 1976. P. 114. [↑](#)
38. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т.2. СПб., 1913. [↑](#)
39. Судебные уставы с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1904. Ч. III. Основные положения судоустройства. Ст.1. [↑](#)
40. Дерюжинский В.Ф. Административные суды в государствах Западной Европы. Воронеж, 2004. Ч.1.С.8 [↑](#)
41. Стариков Ю.Н. Административная юстиция. Конец XIX – начало XX в. Хрестоматия. Воронеж, 2004. Ч.1. С. 8. [↑](#)
42. Маркс. К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 17. С. 342. [↑](#)
43. Маркс. К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 5. С. 203. [↑](#)
44. Ленин В.И. ПСС. Т.34. С. 305. [↑](#)
45. Ленин В.И. ПСС. Т.36. С. 163, 549. [↑](#)

46. Радченко В.И. Административные суды призваны защищать человека от произвола недобросовестных чиновников // Российская юстиция. М., 2004. №3. С.3. [↑](#)
47. Тихомиров Ю.А. Разделение властей или труда // Советское государство и право. 1967. №1; Барнашов А.М. Теория разделения властей: становление, развитие, применение. Томск, 1988. [↑](#)
48. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1973. С. 789. [↑](#)
49. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1973. С. 265. [↑](#)
50. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1973. С. 80. [↑](#)
51. Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М., 1981. 234-245. [↑](#)
52. Мишин А.А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США. М., 1984 С. 5, 34. [↑](#)
53. Барбер Н.У. Разделение властей и Конституция Великобритании // Право. 2012. №1. С. 8,9. [↑](#)
54. Marshall G. Constitutional Theory. Oxford University Press, 1971. P. 124. [↑](#)
55. Барбер Н.У. Указ. Соч. С. 11. [↑](#)
56. Цит. По : Барбер Н.У. Указ. Соч. С.12. [↑](#)
57. Барбер Н.У. Указ. Соч. С. 16. [↑](#)
58. Барбер Н.У. Указ. Соч.С. 16. [↑](#)
59. Montesquieu Ch.L. Esprit des lois. Geneva, 1748. P. 193. Ch. XI. P. 3-6. [↑](#)

60. Дудин А.П. Диалектика правоотношения. Саратов, 1983. С. 57. [↑](#)
61. Российская газета. 2015. 18 июня. №130. [↑](#)
62. Российская газета. 2015. 18 июня. №130. [↑](#)
63. См., Например: Никитин С.В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе. М.: РАП. 2010. С. 1-23. [↑](#)
64. См., например: Едидин Б.А. Суд в системе органов государственной власти России: Автореф.дисс. ...канд.юрид.наук. М., 2005. С.8. [↑](#)
65. См. подробнее: Ершов В.В. Судебная власть в правовом государстве: Дисс... д-ра юрид.наук. М., 1992.С.175-298. [↑](#)
66. Гаджиев Г.А. Конституционно-правовые ориентиры при создании системы административных судов в Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. №3. С. 165, 166. [↑](#)
67. Штатина М.А. Реформирование административной юстиции в условиях проведения административной реформы: опыт Венесуэлы // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 3. С. 169. [↑](#)
68. Гаджиев Г.А. Указ. Соч. С. 166. [↑](#)